

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ

Ирину Бенционовну Роднянскую хочется цитировать непрерывно. И не только из-за опыта, который, по мысли ее любимого Александра Нушнера, должен приглождаться. В самом начале встречи, которая состоялась в Доме Ростовых в рамках «Актуальной критики», совместного проекта АСПИР и Школы критики имени В. Я. Курбатова, Роднянская призналась: «Я человек другой социальной формации, мой опыт не может и не должен быть повторен...»

Открыл сейчас ее статью «Прожитие жизни», написанную в 2010 году после Новой Пушкинской премии, которую Ирина Бенционовна получала вместе с Валентином Яковлевичем Курбатовым. Отец — известный врач-эндокринолог. Мать — преподаватель пения. Дед по материнской линии — народоволец, проведенный на каторге и в ссылке десять лет и освобожденный благодаря амнистии Николая II. Деда, как и почти весь харьковский дом политкаторжан, арестовали и расстреляли в 1938-м. Потом была война. Эвакуация в Сталинск (нынешний Новокузнецк). Черновцы. И наконец, Москва. Библиотечный институт, куда были сосланы многие космополиты. Смерть Сталина. Оттепель.

С 1956 года, с рецензии на повесть Сергея Залыгина в «Литературной газете», Ирина Роднянская отсчитывает свой литературный стаж. Хотя настоящий дебют состоялся гораздо позже в «Новом мире» — на основании той статьи молодого критика приняли в Союз писателей. Выдача членского билета совпала с процессом Синявского и Даниэля, и Роднянская, конечно, написала письмо в их защиту.

С приходом перестройки — «припозднившееся счастливое время», как называет эти годы сама Ирина Бенционовна, — двадцать лет работы в «Новом мире», многочисленные сборники статей не только о литературе, но и о русской религиозной философии, о философской эстетике.

С любимыми не расставайтесь – вот хороший девиз для критика! Ирина Бенционовна призналась, что всю жизнь думала, что чаще хвалила, чем ругала. Ведь этим только и стоит заниматься. Но специально перед встречей в Доме Ростовых перечитала «всю себя», и оказалось, что это не совсем так: «Я писала много полемики. Я – зоил. Я не мирный критик. Так оказалось».

И сегодня, в восемьдесят девять лет, — напряженная работа, которой могут позавидовать многие молодые критики.

— Как вы все успеваете? — спрашивает Сергей Иванович Чупринин.

— Я очень мало читаю.

— Да уж!..

В зале смех.

— Я читаю одним глазом. С экрана не могу. Я даже не вхожу (не прочла. — *В. Н.*) в лонг-лист «Большой книги». Хотя это стыдно.

— А я вот не стыжусь, хотя мне положено. Ирина Бенционовна работает в критике шестьдесят пять лет и еще открывает Нязева!

На вечере Роднянская рассказала, что совсем недавно прочла рецензию Армана Номарова на книгу Григория Нязева «Живые бунвы» и была невероятно воодушевлена: «Такое я испытывала только при встрече с Нушнером! Но Нушнер идет за Пастернаком, а Нязев — за Тютчевым. Очень редное сочетание при короткой строке. Такое любопытное. И я нинулась читать его “Живые бунвы”. Светоговорящая строка! Наной поэт!»

С любимыми не расставайтесь — вот хороший девиз для критика! Ирина Бенционовна призналась, что всю жизнь думала, что чаще хвалила, чем ругала. Ведь этим только и стоит заниматься. Но специально перед встречей в Доме Ростовых перечитала «всю себя», и оказалось, что это не совсем так: «Я писала много полемики. Я — зоил. Я не мирный критик. Так оказалось».

Не буду перечислять «священных коров», на которых за свою долгую и плодотворную жизнь нападал и продолжает нападать критик. Приведу другой пример, нажушийся мне сегодня куда важнее.

— Я с вами часто не согласен, — продолжает Чупринин. — Мы познакомились в конце восьмидесятых. Времечко было не хуже нынешнего. Разборки в своем кругу, как и сейчас, вместо того чтобы объединиться против тоталитаризма. «Новый мир» был тогда солженицынским. Я полагал, что Александр Исаевич фантазирует — так мне казалось, да и сейчас

я так думаю, а правда на стороне Сахарова. Вы были другого мнения и написали обо мне грозно. Можно было ответить, рассвирепеть. Но у меня хватило ума этого не делать. Восхищение вами удержало меня. Что ж нам ссориться, если любовь у нас одна, но не одинаковая?

Эта герценовская формула и сейчас жизненно необходима.

Заканчивая уже упомянутую автобиографическую статью «Прожитие жизни», Ирина Роднянская пишет: «Наше общество, включая сообщество литературное, не выдержавшее искушения свободой, — расколото. Оно не внемлет максиме, которую так любил повторять С. С. Аверинцев: “у дьявола две руки” — и ударяется либо в защиту бесстыдной вседозволенности, либо в апелляции к сталинскому “порядку”...»

В этом смысле чужой опыт должен не просто пригодиться, но и быть опорой в наши темные времена.

— Действительно ли автор может умереть? — спрашивают Роднянскую про знаменитую концепцию Ролана Барта.

— Автор нигде и никогда не умирал. Это мода, которая пройдет. Продуктивное заблуждение. Автор оставляет свой несмываемый стиль, автограф. Как Бог на мироздании. Автора всегда можно определить как автора, а не как «монтажера». Пока существует наша европейская литература, будет существовать и автор.

И трудно удержаться, чтобы не продолжить этот пафос и не сказать что-то в подобном ключе и про саму Ирину Бенционовну. Про ее неустанное, по точному определению Валерии Пустовой, слово, про живую деятельную энергию, дающую силы и дальше мыслить о литературе, или про ее умение, как метко заметил Борис Нутенков, выступать над схваткой с абсолютным достоинством и с изяществом говорить о чуждости. Все это тысячу раз так. Но куда ценнее перечитать статьи Ирины Роднянской, многие из которых не просто не потеряли своей актуальности, но и стали сегодня еще современнее и насущнее.

